

М. ХАУГААРД*

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ ВЛАСТИ:
ДОМИНИРОВАНИЕ И РАСШИРЕНИЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹**

Аннотация. В литературе о проблематике власти сложилось два главных и принципиально противоположных подхода: для первого «власть» – это доминирование, и потому она является «властью над», во втором подходе власть – это расширение возможностей, что терминологически обозначается как «власть для». До текущего момента представление о «четырёх измерениях» власти (Лукс и Фуко) относилось к пониманию власти как доминирования. Данная статья полемирует с данной трактовкой: утверждается, что каждое из измерений власти способно породить нормативно-желательные формы власти (власть как форму эмансипации). Ключевую роль играет процесс структурирования «власти над», обладающий потенциалом для создания взаимоотношения позитивной, а не нулевой суммы. Фактически нормативно-желательная власть и власть как доминирование устанавливаются одними и теми же эмпирическими процессами, и доминирование таким образом «паразитирует» над властью-эмпансипацией.

* **Хаугаард Марк**, профессор политологии и социологии, Школа политических наук и социологии, Национальный университет Ирландии (Голуэй, Ирландия), основатель и главный редактор журнала «Journal of Political Power», e-mail: Mark.Haugard@NUIGalway.ie

¹ Перевод статьи: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment // Journal of Political Power. – 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 35–54. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2012.660810>. Публикуется с разрешения автора. Перевод выполнил К.В. Фокин (НИУ ВШЭ).

Примечание. Вряд ли возможно найти в русском языке термин, в полной мере соответствующий английскому empowerment. В разных контекстах его переводят как «наделение полномочиями», «расширение возможностей», «предоставление возможностей», «приобретение возможностей», «наделение возможностями», «повышение роли», «обретение роли», «обретение» и др.

Ключевые слова: политическая власть; доминирование; расширение возможностей; демократия; справедливость.

Для цитирования: Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: Доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 30–62. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>

Вступление: споры о власти и точка соприкосновения

В литературе о проблематике власти сложилось два главных и принципиально противоположных подхода: для первого «власть» – это *доминирование*, и потому она является *властью над* (power over); во втором подходе власть – это *расширение возможностей* (empowerment), терминологически обозначается как *власть для* (power to). Среди наиболее значимых исследователей из первого лагеря – Вебер [Weber, 1976], Даль [Dahl, 1957], Бахрах и Баратц [Bachrach, Baratz, 1962], Лукс [Lukes, 2005; Lukes, 1974], Манн [Mann, 1986], Хэйуорд [Hayward, 2000] и Хэйуорд вместе с Луксом [Hayward, Lukes, 2008]; среди сторонников второго – Арендт [Arendt, 1998; Arendt, 1970], Парсонс [Parsons, 1963], Барнс [Barnes, 1988] и Сёрл [Searle, 2007]. Некоторые авторы пошли по третьему пути и попытались синтезировать два подхода, это Аллен [Allen, 1999], Гидденс [Giddens, 1984], Клегг [Clegg, 1989], Моррис [Morris, 2002] и Хаугаард [Haugaard, 1997; Haugaard, 2003]. Фуко в принципе можно зачислить в сторонники любого из этих лагерей: современную власть он определял как «позитивную» и противопоставлял ее «суверенной власти», которая функционировала на репрессивной основе. Но если учесть, что Фуко также призывал сопротивляться (resist), в том числе и этой, «позитивной» власти [Foucault, 1982, p. 216], то логичным кажется вывод, что «позитивной» эту «современную власть» он считал только на эмпирическом уровне – как часть повседневной общественной жизни, а вовсе не «позитивной» в нормативном понимании. Сам Фуко так и не прояснил свою собственную нормативную позицию, так что уверенности у нас нет.

В области международных отношений также существует длительный спор сторонников «реалистической» и «идеалистической» концепций власти во взаимоотношениях между суверенными государствами. С недавнего времени эта дискуссия превратилась в спор о «жесткой» и «мягкой» силе. Сам термин «мягкая

сила» предложил Най [Nye, 1990], и для него это была власть «притяжения» [Nye, 2011 a, p. 21]; или, по Галларотти, – «привлекательности» [Gallarotti, 2011, p. 32]. Формально «мягкая сила» – это некое усредненное представление Арендт, Парсонса, Барнса и Сёрла, но сам Най имел в виду скорее нечто похожее на трехмерную (three-dimensional) концепцию власти Лукса. Это кажется странным, ведь концепция Лукса – это концепция власти как доминирования, и именно эту «странность» данная статья пытается опспорить.

Ранее исследователи либо занимали в этом споре одну из сторон, либо пытались «навести мосты» между берегами. «Строители мостов» часто утверждали, что «власть» – это зонтичное понятие, которое покрывает целый набор концепций и феноменов: и *власть для*, и *власть вместе* (power with), и *власть над* [Haugaard, 1997; Haugaard, 2003; Haugaard, 2010; Allen, 1999]. В этом подходе подразумевается, что та форма власти, которую нормативно признает Арендт, и те проявления власти, которые критикует Лукс, имеют разные референты. Власть «действовать вместе» (the power «to act in concert») (Арендт) и трехмерная власть описывают различные аспекты одной и той же социальной реальности.

Однако до сих пор логичного и последовательного теоретического обоснования этого тезиса представлено не было. В этой статье я исследую следующую гипотезу: *те эмпирические процессы, которые, по Луксу, являются трехмерной властью, потенциально могут быть нормативно-оправданными, по Арендт*. Это предположение контринтуитивно: сам Лукс подчеркивает, что его интересует трехмерный анализ власти как доминирования [Haward, Lukes, 2008]. Кроме того, я добавляю здесь элемент из модели Фуко – вслед за Дигизером [Digeser, 1992] я обозначу его как «четвертое измерение» или «четвертое лицо» власти.

Давно и подробно [Haugaard, 2010] я пишу о важности отделения заявлений нормативного характера от эмпирических. При переходе от одной языковой игры к другой один и тот же знак может существенно различаться.

Классический пример: утверждение, что «в обществе X использование власти типа Y легитимно». С нормативной точки зрения автор в качестве теоретика-наблюдателя оправдывает использование власти типа Y. Эмпирически – социолог или политолог пишет про убеждения и / или восприятие акторов в данном кон-

кретном обществе X. Скажем, социолог-феминист может написать «в традиционном обществе X патриархальная социальная практика Y легитимна» без своего нормативного одобрения этой практики.

Согласно моей гипотезе, эмпирические проявления каждого из четырех измерений власти нормативно обладают потенциалом и для доминирования (*domination*), и для эмансипации (*emancipation*). Фуко утверждал, что от власти нет спасения; Фрэзер назвал этот тезис «пораженчеством» и «нигилизмом» [Fraser, 1985]. Но если мы всерьез рассмотрим идею, что власть – это ключ к сотрудничеству между людьми, то эта невозможность спасения становится нормативно-желательной. Если «субъективация», по Фуко, потенциально способна обеспечить наши права и свободы, то «сопротивление» ей – не единственный путь к (ограниченной) эмансипации и, более того, три измерения власти могут быть ключом к справедливости. Как я уже заметил выше, Фуко крайне неоднозначен в своих рассуждениях относительно того, что власть позитивна или негативна. Если я прав, и Фуко имеет в виду позитивность современной власти лишь на эмпирическом, а не нормативном уровне, то мой вывод будет противоположным.

Изучение всех возможных нормативных аспектов в рамках одной статьи невозможно; поэтому здесь я пытаюсь лишь наметить «дорожную карту» того, что мы называем четырьмя измерениями власти (*four dimensions of power*); я рассмотрю каждое из них с двух противоположных нормативных позиций: доминирования и освобождения (*commendation / emancipation*). При этом я буду следовать духу, а не буквальной и прямолинейной трактовке этих четырех измерений; как заметил однажды Фуко, его величайшее уважение к Ницше заключалось в яростном споре с ним [Foucault, 1980, p. 53–54]; я исповедую тот же принцип в отношении самого Фуко.

Первое измерение власти

Как сформулировал Даль, первое измерение власти – это способность *A* превалировать над *B*, заставляя *B* делать то, что *B* в ином случае не стал бы делать [Dahl, 1957]. По сути, так же власть понимал Вебер [Weber, 1976, p. 180].

Эта концепция *власти над* (*power over*) обычно нормативно интерпретируется как доминирование (*domination*). Но уже Лукс

признавал [Lukes, 2005, p. 83], что существует уточнение, меняющее ситуацию: если интересы *B* лучше известны *A*, чем самому *B*, то превалирование *A* над *B* может быть выгодно для *B* («мягкий патернализм» и др.).

Но я пойду дальше: в сложных демократических политических системах рутинная «власть над» не сводится к господству или принуждению, как это часто предполагается. Например: «В демократии мы можем использовать власть, чтобы достичь целей. Под властью я имею в виду принуждение – заставить других людей делать то, что они делать не хотят, угрожая им санкциями или насилем» [Mansbridge, 1994, p. 53]. Для моей аргументации важно различать власть с нулевой суммой и власть с ненулевой суммой. Власть с отношением нулевой суммы – это властное отношение, в котором одна сторона выигрывает за счет другой. Власть с отношением ненулевой или положительной суммы – это властное отношение, в котором ни одна сторона не выигрывает за счет другой: либо обе стороны выигрывают (и одна может выиграть больше), либо одна выигрывает, но положение другой не ухудшается.

Парсонс внес существенный вклад в дискуссию о власти [Parsons, 1963], показав, возражая Миллсу [Mills, 1956], что власть, как и богатство, вовсе не обязательно является отношением с нулевой суммой. Однако после Парсонса различие между властью с нулевой и с положительной суммами стали понимать как разницу между *властью над* (power over) и *властью для* (power to). Идеи Парсонса [Parsons, 1963] обычно относят к *власти для*. Однако это противоречит содержанию статьи. Оригинальная работа Парсонса посвящена проблеме лидерства, а вовсе не солидарности или коллективного действия. То же самое касается Арендт [Arendt, 1970], которую считают теоретиком «власти для» или «власти вместе» (power with) [например, Allen, 1999; Gohler, 2009]; но сама Арендт также писала про лидерство, что тоже подразумевает *власть над*.

Власть над также может порождать отношение положительной суммы на эмпирическом уровне, значит, она может быть нормативно-желательной. Для объяснения этого я ввожу различие между двумя типами доминирования (prevailing over), которые имеют важные импликации для трех других измерений власти. Во *власти над* следует различать осуществление власти на основе воспроизведения структурного контекста и осуществления власти, не связанного со структурными ограничениями. Если *A* превали-

рует над *B* на выборах, то это ситуация, отличная (и эмпирически, и нормативно) от ситуации, где *A* превалирует над *B* с помощью угрозы оружием: «Кошелек или жизнь!». Первое предполагает взаимное структурное воспроизводство, а второе – нет. В первом случае мотивация *B* к подчинению обычно является внутренней по отношению к процессу структурного воспроизводства. Напротив, в последнем случае она вызвана внешним вмешательством, которое изменяет мотивацию актора и его целеполагание.

Структурный аспект и аспект целеполагания следует различать; иногда они совпадают, но чаще всего – нет. Если *A* превалирует над *B* на выборах, между акторами *A* и *B* сохраняется конфликт, но оба разделяют приверженность демократической процедуре; между ними существует консенсус в отношении институциональной структуры. На них обоих действуют структурные ограничения, но это ограничение не препятствует их способности действовать и преследовать свои цели. Напротив, как описал Гидденс в своей теории структуризации [Giddens, 1984], структуры одновременно и сдерживают, и создают возможность действовать. На эмпирическом уровне структуры вовсе не противоречат действию и свободе [см.: Bates, 2010]. В этом данный подход отличается от нормативной позиции Лукса [Hayward, Lukes, 2008]. Не все структуры создают равные возможности, и это задача для нормативной теории – отделить желательные структуры от нежелательных.

Фуко считал, что в современном мире происходит фундаментальный сдвиг от одного типа власти к другому. По Фуко, это замещение модели суверенного принудительного господства (sovereign model of coercive domination) «современной» властью – конституирующей, позитивной и дисциплинарной [Foucault, 1979]. Эрнст Геллнер характеризовал «современность» (modernity) как переход от жесткого доминирования к более хитрым и изощренным формам власти – «смена меча на плуг», «замена хищничества налогообложением» [Gellner, 1989]. Похожая точка зрения у Элиаса [Elias, 1994]: «современность» – это переход от подчинения, основанного на принуждении, к согласию, основанному на самоограничении («процесс цивилизации»). Я утверждаю, что на самом деле все эти описания имеют в виду одно и то же: переход от *власти над*, в основном опирающейся на подчинение внешней силе, к власти, опирающейся на структурные факторы. «Хищничество» – это внешнее принуждение, а налогообложение – часть комплекс-

ной структуры повседневного функционирования института государства.

Описывая власть, характерную для его еще досовременной эпохи, Макиавелли задавался знаменитым вопросом: для государя лучше, чтобы его боялись или чтобы его любили? Ответ – конечно, лучше оба, но страх лучше любви [Machiavelli, 1961, p. 95]. Если мы посмотрим на диктаторов – скажем, на Ким Чен Ира, Башара аль-Асада или Муаммара Каддафи, – то увидим «государей», чья власть покоится (или покоилась) на обоих основаниях. Любовь и страх проявляют себя в контрасте между полицейскими репрессиями и безудержными изъявлениями лояльности на массовых демонстрациях или похоронах. Это нетипично для современности, но все же имеет место. Другой пример – Гитлер. Различие между другом и врагом как основание политики, описанное Шмиттом, относится к неструктурной досовременной власти [Schmitt, 1996]. В современную эпоху политических лидеров и не любят, и не боятся; они находятся у власти потому, что побеждают в демократическом соревновании или точно следуют структурированным процедурам внутри институционального бюрократического контекста. Их властью наделяет процесс: это практически идеальный тип веберовской легальной / инструментально-рациональной власти. Конечно, на практике многие политики и чиновники коррумпированы, но лишь в той степени, в которой они не соответствуют идеалу эпохи; даже получив власть, они все равно принимают «правила игры». Идеальный тип современного обладателя политической власти соответствует норме, а не является исключением из нее.

Власть над досовременного типа, описанная Макиавелли и Шмиттом, это отношение нулевой суммы. Насколько *A* превалирует над *B*, настолько *B* проигрывает. Если государь *A* превалирует над подданным *B* с помощью страха, это нулевая сумма. Если с помощью любви, то обычно это любовь за счет другого *B*, который живет в страхе. Но если *A* и *B* вступают в структурированное демократическое состязание, выгоды *A* необязательно ведут к потерям *B* в длительной перспективе. В краткосрочной перспективе *B* жертвует своей целью. Но воспроизводство структур продолжается, что дает *B* шанс на реванш над *A* в будущем. Следовательно, выигрыш *A* не является полностью проигрышем *B*. Если *B* согласен подчиниться демократической процедуре, он получает выгоды и возможности от воспроизведения структур, которые он поддержи-

вает. Чем чаще структуры воспроизводятся, тем глубже они воспринимаются как естественный порядок вещей или габитус, а значит, они все более и более надежны. Это структурное воспроизводство увеличивает власть всех, включая тех, кто проигрывает выборы в какой-то момент времени.

Для целей данной статьи в качестве нормативной базы я исхожу из кантианского категорического императива. Здесь использование власти будет нормативно легитимно, если: (а) оно может быть генерализовано; (б) никто не применяется как средство достижения цели другого. Макиавеллиевский государь использует подданных как средство, и это отношение нельзя генерализовать или пересмотреть. Но если демократы борются на выборах и количество голосов изменяется, то правила игры остаются теми же, и это отношение можно генерализовать или пересмотреть. Более того, *B* не есть средство достижения цели, поскольку структуры создают будущие ресурсы *B*.

Идея о том, что в принципе не все случаи осуществления *власти над* означают доминирование, смысляет различия между конфликтной и консенсусной традициями. Обычно считается, что консенсусная традиция связана с *властью для*, тогда как конфликтная – с *властью над*. Таким образом, *власть над* приравнивается к доминированию. Но мне всегда казалось аномальным, что все главные теоретики «консенсуса» [Parsons, 1963; Arendt, 1970; Barnes, 1988; Searle, 2007] сами очевидно пребывали в уверенности, что пишут и о *власти над*, а не только о *власти для*.

Ронг [Wrong, 1995] и Клегг [Clegg, 1989] различают *эпизодическую* власть, которая направлена на достижение конкретной цели, и *диспозиционную* власть, которая определяет структурные правила игры, устанавливая долговременную диспозицию акторов. *A* и *B* борются в структурном контексте: *A* побеждает и получает *власть над B*. Это эпизодическая власть, но структуры воспроизводятся, и демократический принцип сохраняет за *B* диспозиционную власть в следующем раунде выборов. *B* может победить и использовать эпизодическую *власть над A*, но и *A* при воспроизводстве структур сохраняет диспозиционную власть, и так далее. Успешное воспроизводство структур создает равную диспозиционную власть: если эпизодическая власть может быть отношением с нулевой суммой (*A* выиграл, *B* проиграл, среднего значения нет), диспозиционно это положительная сумма (есть гарантии на будущее). Нормативно, на

уровне диспозиции, *A* не достигает целей за счет *B*. Но если эпизодическая власть не воспроизводит диспозиционную власть, то это нулевая сумма; *A* получает эпизодическую власть, а *B* теряет диспозицию, значит, *A* использует *B* как средство достижения цели.

Следовательно, эпизодическое принудительное использование власти является нормативно-нежелательным, это и есть *доминирование*. Напротив, структурное использование *власти над* нормативно-желательно, так как оно делегирует власть на уровне диспозиции – это *совместная власть* (concerted power), по Арендт [Arendt, 1970, p. 44]. Таким образом, переход от досовременной к современной власти – это не только изменение эмпирической природы процесса получения «власти над», но и нормативное смещение с *доминирования* к *совместной власти*.

Второе измерение власти

Бахрах и Баратц определяют «второе лицо» власти таким образом: «*A* создает или усиливает социальные / политические ценности и / или институциональные практики, которые ограничивают политический процесс и сводят его до публичного рассмотрения только тех проблем, которые безвредны для *A*» [Bachrach, Baratz, 1962, p. 948].

С нормативной точки зрения это доминирование; институты не могут быть генерализованы таким образом, чтобы включить интересы *B*, и поэтому *B* становится средством для *A*. Однако это не следует напрямую из самого процесса эксклюзии.

Шатштайдер пишет: «Все формы политической организации имеют свои предпочтения (bias) в отношении некоторых форм конфликта над остальными, так как *организация – это мобилизация предпочтений*. Одни проблемы становятся политическими, другие – нет».

Структуры создают правила игры или диспозиционную власть; препятствуя одним формам взаимодействия, они усиливают (оптимизируют) другие [Giddens, 1984]. Если в процессе взаимодействия вы не способны предсказать поведение другой стороны, совместные действия значительно усложняются. Гарфинкель [Garfinkel, 1983] проводил эксперимент, заставляя участников нарушать каноны социального поведения – например, дословно интерпретиро-

вать фразу «Здравствуйте, как ваши дела?»; в сущности, он принуждал их игнорировать социальные конвенции. И взаимодействие становилось, выражаясь по Остину [Austin, 1975], бесплодным.

Социальные конвенции и структурные ограничения не допускают случайных (непредвиденных) реакций акторов. Возьмем, к примеру, язык: если бы мы изобретали слова прямо в процессе разговора, то общение было бы невозможным (собственно, по этой причине концепция «индивидуального языка» Витгенштейна [Wittgenstein, 1967] несостоятельна: язык обязан обладать набором признаваемых всеми правил и ограничений). Да, акторы могут добавлять слова или даже создать новый язык, но пока другие акторы не будут осведомлены об этих изменениях и согласны с ними, в обиход эти нововведения не войдут. Значения слов воспроизводятся в момент их восприятия; значение, заложенное говорящим, должно быть адекватно значению, которое воспроизведет слушатель. Так же и структура – она воспроизводится, когда за структуриацией следует подтверждающая структуриация [Haugaard, 1997].

Исключая случайные реакции, структурные ограничения делают возможной структурированную политическую власть, а воспроизведение социальных систем и порядка предполагает, что некоторые акты будут исключаться как валидные. Социализация – постоянный процесс обучения тому, какие структурирующие практики считаются удачными и нуждаются в подтверждении, а какие – девиантными и, по Витгенштейну, «частными». Социально компетентный актор должен ограничить сам себя, потому что он знает, чего ожидает от других.

Возвращаюсь к замечанию Шатшнайдера о том, что организация – это мобилизация предпочтений: в политическом процессе одни проблемы включаются, другие – исключаются. Это ни в коем случае не примитивное доминирование. Если A получает больше голосов, чем B , то политически это означает, что A выигрывает выборы, а B не получает ничего, кроме обязательства признать поражение. Для Бахраха и Баратца второе измерение власти нормативно нежелательно, поскольку оно ведет не просто к исключению проблем из повестки, а к систематическим невыгодам B и тем самым оказывается отношением с нулевой суммой. Но если структуры исключают процедуры, где акторы используют друг друга как средство, и тем самым исключают отношение нулевой суммы, то это должно быть нормативно-желательным. Исключение отноше-

ний власти как нулевой суммы формирует основания процедурной справедливости в либеральной традиции.

Ролз пишет о «вуали неведения» (veil of ignorance), мысленном эксперименте, где некоторые проблемы включаются в политику, а другие – исключаются: «Сущностная характеристика этой ситуации (изначальная позиция) состоит в том, что никто не знает свое место в обществе, классовое положение или социальный статус; никто не знает свою долю в распределении природных ресурсов и свой потенциал, и так далее. Даже партии не знают собственные концепции [политического] блага. Принципы справедливости выбираются за вуалью неведения. Это гарантирует, что никто не будет в выигрыше или в невыгодном положении при выборе принципов. Поскольку все находятся в одинаковом положении, и никто не может выбрать принципы для своей выгоды, принципы будут результатом справедливого согласия или договора» [Rawls, 1971, p. 12].

Тем самым исключаются все отдельные случайные обстоятельства, а включаются только общечеловеческие принципы поведения и потребности. Ролз описывает справедливость, Бахрах и Баратц критикуют доминирование, хотя эмпирический процесс один и тот же – социальная инклюзия и эксклюзия. Структуры могут создать уклон в сторону интересов *A* и против интересов *B*, но ровно таким же образом могут и исключить все эгоистические интересы *A* и *B*. Во втором варианте эти структуры нормально-желательны: генерализация как универсальный принцип возможна, акторы не являются средствами друг для друга.

За рамки данной статьи выходит вопрос о том, является ли трактовка Ролза нормативно-идеальной. Я полагаю, это не вопрос или / или, а скорее вопрос степени – больше / меньше. Процедурное исключение некоторых вопросов через «естественное состояние» может быть и инстанцией доминирования, и это хоть и не дискредитирует саму процедуру, но делает ее менее совершенной. Характеристика Ролзом изначальной позиции может быть далека от позитивной на нормативной шкале между доминированием и справедливостью; то же самое относится к «идеальной речевой ситуации» Хабермаса [Habermas, 1984; Habermas, 1987] и гипотетическому аукциону и схеме страхования Дворкина [Dworkin, 2000]. То, что один и тот же эмпирический процесс может быть и нормативно-нежелательным, и желательным, имеет важные импликации для нормативной теории. Процедурная справедливость,

хоть чаще создает справедливость, может обернуться и доминированием. Мы должны серьезно отнестись к этому факту: как бы хороши ни были наши либеральные принципы, на практике они могут включать элементы доминирования; к ним нужно сохранять скептическое отношение, а не слепо верить в их всеблагой характер.

Исключение определенных решений с помощью структурных ограничений не обязательно должно нормативно осуждаться, а двухмерная власть не обязательно включает в себя доминирование. Как эмпирический процесс, второе измерение власти создает условия справедливости. Поэтому критика либерализма за то, что он воспроизводит определенные преимущества (*biases*), не попадает в цель. Например, Муфф считает, что одна из заслуг К. Шмитта заключается в том, что «он показал, что демократия всегда включает в себе и эксклюзию и инклюзию» [Mouffe, 2000, p. 43]. Но с нормативной точки зрения вопрос не в том, что определенные проблемы исключаются из политического пространства, а в том, *какие именно* проблемы исключаются. Само по себе включение или исключение проблемы из повестки не обязательно нормативно-нежелательно; это может быть условием *власти над* с позитивной суммой, что является сутью демократической политики как институционализированного справедливого конфликта.

Восприятие структур как средства для создания соревнования между *властями над*, которые обладают отношением положительной суммы и потому нормативно-желательны, приводит нас к фундаментальному нормативному разграничению между насильственной властью и политической властью действовать вместе (*political concerted power*), которая является элементом нормативной сути демократической политики. Различая власть и насилие, Арендт пишет: «Смысл любого политического управления (*government*) – это власть, а не насилие. Насилие инструментально по своей природе; как и любое средство, его требуется направлять и оправдывать через достигаемую с помощью него цель. То, что нуждается в оправдании, само по себе не может быть сутью чего-то. Конец войны – это цель в двух ее смыслах – это мир или победа; но на вопрос “что есть цель мира?” ответа нет. Мир абсолютен... и власть из этой же категории; она есть “цель сама по себе”... И поскольку политическое управление – это организованная и институционализированная власть, вопрос “в чем цель политического управления?” также не имеет смысла» [Arendt, 1970, p. 51].

Если мы рассматриваем насилие в широком смысле данного понятия, включающем символическое насилие как господство, то обозначенное Арендт противопоставление власти и насилия вполне соответствует тому, о чем здесь говорилось. Цели институционального исключения, которое обуславливает доминирование, внешни по отношению к структурам, выражающим интересы специфической группы акторов *A*. Власть, генерируемая этими структурами, имеет нулевую сумму, поскольку создаваемые структурами возможности выгодны только определенным акторам.

Напротив, структуры, исключаящие частные интересы и *A*, и *B*, являются самоцелью – в том смысле, что все стороны, как *A*, так и *B*, заинтересованы в их воспроизведении. В долгосрочной перспективе постоянные поражения *B* маловероятны. Двухмерной власти как доминированию или отношению нулевой суммы присуща нестабильность, которую нужно уравнивать принуждением и насилием в той или иной форме; но нормативно-желательная двухмерная власть исключает частные интересы, таким образом, в ее воспроизведении заинтересованы все акторы, и со временем она только усиливается. По этой причине государства, имеющие постоянные меньшинства, неспособны успешно управляться с помощью мажоритарных демократических процедур, которые обычно приводят к конфронтации, поскольку в этом случае мажоритарная демократия ведет к символическому насилию, так как *B* всегда проигрывает. Сообщественная же демократия [Lijphart, 1977] – это возможность меньшинств постоянно участвовать в игре, так что она есть нормативно-желательная *власть над*. Важно отметить, что процедуры справедливы только в том случае, если существует возможность воспроизводства структур / институтов *на практике*.

В этом смысле знаменитое определение власти Арендт как возможности совместного действия (act in concert) [Arendt, 1970, p. 52] не обязательно указывает на общие цели или задачи, как предполагается во «власти для» (power to) и «власти вместе» (power with) [Allen, 1999]. Слово «концерт» (concert) здесь вводит метафору музыкального концерта, где взаимодействие между исполнителями скоординировано и структурировано.

Чем более в практики структурирования включаются *B*, тем более стабильна система, и тем меньше потребности в принуждении. Другими словами, второе измерение власти как справедли-

ности оказывается функциональным в том смысле, что, будучи стабильным, оно представляет собой вариант мира, а не скрытой войны – вопреки утверждению Фуко, что политика – это война другими средствами [Foucault, 1980, p. 91]. Я бы предположил, что именно по этой причине, несмотря на разработку все более эффективных инструментов физического подавления, которые бы могли поддерживать принудительные системы господства, демократия обеспечивает лучшую стабильность, чем альтернативные политические устройства. Это ключ к пониманию связи между справедливостью и стабильностью [см.: Rawls, 1993, p. 140–144]. По этой причине в современном мире распространяется демократия, а не наступает конец истории и нормативный триумф либерализма, как полагал Фукуяма [Fukuяama, 1992]. И это ключ к более эффективной политической власти.

Третье измерение власти

В третьем измерении власти имеет место отношение между властью и общественным сознанием акторов. Луксовская концепция трехмерной власти [Lukes, 1974] и объяснение взаимоотношений власти и знания Фуко [Foucault, 1980], по сути, предполагают наличие подразумеваемого социального знания (*tacit social knowledge*), которое акторы используют для воспроизводства социальной структуры и отношений господства. Эту гипотезу я не собираюсь фальсифицировать; но я утверждаю, что связь между властью и знанием – это одновременно и ключ к освобождающей совместной (*concerted*) власти. Как и в двухмерной власти, один и тот же эмпирический процесс имеет как позитивный, так и негативный нормативный потенциал.

Идея о том, что ограничение и исключение являются частью условий для добродетельной (*virtuous*) политики – часть более широкого представления о человеческой природе. Как утверждал Поппер, ссылаясь на Канта, процессы инклюзии и эксклюзии составляют ядро когнитивных процессов [Popper, 2002, p. 59]. Наука не просто наблюдает мир вокруг нас; мы наблюдаем его, накладывая на него наши гипотезы, которые фактически создают категории включения и исключения. Кант считал их априорными и трансцендентально верными; но современная социология и антро-

пология уверяют нас в том, что они многочисленны и изменчивы. Они конституируют то, что Фуко называл историческим *априори* [Foucault 1970], представляющим локальную систему мышления, связанную с конкретным временным периодом. Это, на мой взгляд, нечто близкое к парадигме Куна [Kuhn, 1970]. Мы интерпретируем мир через категории мышления, которые конституируют исторические (временные) и антропологические (пространственные) категории смыслов, которые включают в себя модусы инклюзии и эксклюзии. Наше знание практик структуриации непосредственно относится к этому знанию. Эти широкие категории смыслов – инклюзия и эксклюзия – существуют в нашем сознании как *габитус* в терминах Бурдьё [Bourdieu, 1990], или как *практическое знание* (practical conscious knowledge) у Гидденса [Giddens, 1984], или как *эпистема* либо историческое *априори* у Фуко [Foucault, 1970].

В данной статье я использую термин *габитус* для обозначения общественного сознания акторов в целом и опираюсь на терминологию Гидденса [Giddens, 1984, p. 40–54], разбивая *габитус* на две части. Дискурсивное сознание относится к той части *габитуса*, который акторы осознают дискурсивно; практическое сознание – это подразумеваемое (tacit) знание, которое акторы используют для информирования их практики структурирования. Эпистемы Фуко эквивалентны габитусу и содержат в себе элементы обеих частей. Теории или научные модели – это дискурсивное сознание, а сам собой разумеющийся порядок вещей, структурирование самой системы мыслей – это практическое знание.

Источником смыслов выступает наше практическое знание, а цели и задачи скорее формируются дискурсивно. Практическое знание не является неосознаваемым. Однако в повседневных интеракциях это знание представляет собой само собой подразумевающиеся смыслы. Например, в коммуникации я в основном использую мое практическое знание английского языка и академических практик, тогда как моя дискурсивная цель – переосмыслить современные дискуссии о власти. Однако в случае необходимости я могу дискурсивно отрефлексировать структуры английского языка или точные смыслы используемых слов; я также могу объяснить правила, действующие в академических практиках, т.е. знание не является неосознаваемым.

Итак, вернемся к нашему примеру: если *A* и *B* оба баллотируются на выборах, то смысл выборов определяют структурирующие практики из практического знания (номинация кандидатов, сбор и подсчет голосов, и др.), но цель – победа на выборах – дискурсивна. Очевидно, если демократия только-только установилась, то структурирующие практики еще будут дискурсивными. Однако со временем они превратятся в часть практического сознания. Социологи феноменологического направления, например Шутц [Schutz, 1972], отмечали: практически невозможно полноценно взаимодействовать в нашем сложном и комплексном мире без какого-либо знания о правилах взаимодействия на уровне практического сознания; невозможно все время мыслить дискурсивно.

Однако если этого знания недостаточно, то акторы оказываются беззащитными: их упорядоченный «естественный порядок вещей» рассыпается. Как писал Эриксон [Erikson, 1967], первая мысль, которую запоминает ребенок, это возвращение материнской груди обратно после ее исчезновения. Объект исчезает из поля зрения и возвращается – мы понимаем упорядоченность внешнего мира. Акты интерпретации, как убеждает нас Хайдеггер [Heidegger, 1962], – это акты осмысления, часть онтологии социальных существ, по природе своей осмысляющих и интерпретирующих. У нас нет возможности переступить порог собственного горизонта интерпретации. Любой радикальный (но не незначительный) подрыв практического знания – это потеря смысла, ощущение бессмысленности, и далее – фундаментальная беззащитность от внешнего мира, онтологическая уязвимость.

Третье измерение власти формируется в контексте этого практического знания, которое является основой рутинного воспроизводства структур. Поскольку все практики структурирования включают и инклюзию и эксклюзию, третье измерение власти можно рассматривать как накладывание структурных включений и исключений практического знания на структурное воспроизводство – включения и исключения, которые структурное взаимодействие представляет как часть естественного порядка вещей.

Третье измерение власти представляет определенные акты структурирования разумными, поскольку они являются частью естественного порядка. Отсюда и возникает вопрос Фуко о том, в какой степени мы вообще способны использовать «доводы разума» для критики власти. Его риторический ответ: ни в какой, это абсолют-

но бессмысленно [Foucault, 1982, p. 210]. Напротив, Лукс, следуя традиции Спинозы, предписывает нам использовать разум самостоятельно [Lukes, 2005, p. 115]. В целом этот спор о «разумности» – важнейшая линия разграничения между модернизмом эпохи Просвещения и постмодернизмом. Как мы увидим далее, оба подхода содержат в себе здоровое зерно, хотя и ведут к разным выводам.

Несмотря на их очевидную противоположность, между ними существует имплицитный консенсус в том, что смысл (*reason*) – это фундамент действия. Каждый акт структуриации – это акт упорядочивания наших действий относительно нашего восприятия мира; он избегает внутреннего логического противоречия. Когда антрополог встречается новую непохожую цивилизацию, герменевтик переводит необычный текст, фукоист сталкивается с чужеродной системой мышления, последователь Куна – с другой парадигмой, все они пытаются понять их смысл через структурирующие практики и / или дискурсивные декларации, даже если последние и кажутся им бессмысленными. Они спрашивают себя: какое практическое знание, отличающееся от моего, обуславливает разумное поведение? Другими словами, фундаментальной предпосылкой выступает разумность другого. Это не абсолютная рациональность, а разумность практического знания, которую переводчик пытается расшифровать.

Разумность заключается в действии, логически вытекающем из воспроизводящегося смысла. Остин называл такую рациональность *соответствующей (felicitous)* [Austin, 1975], так как она *соответствует* локальной системе смыслов и контексту. Возвращаемся к нашему примеру с выборами: если *A* и *B* баллотировались на выборах, то сам смысл акта структурного воспроизводства заключается в том, что *B* смирится с поражением, если наберет меньше голосов, чем *A*. Смысл баллотирования на выборах включает в себя обязанность (*ought*), вытекающую из практического знания, свой собственный императив, являющийся источником структурного ограничения актора. Если актор нарушит этот императив, он вступит в область онтологической угрозы для самого себя. Ни один актор не чувствует себя комфортно, если действует вопреки своему практическому знанию. Поскольку все практики структуриации включают в себя инклюзию и эксклюзию, это означает, что все системы мышления, все формы разумности включают в себя принцип предпочтения (*bias*) одних форм распределения власти другим. Разум представляет собой форму клетки для социаль-

ных субъектов, обеспечивающей их онтологическую безопасность. В определенном смысле разум создает альтернативу принуждению. Актор может действовать предсказуемо, потому что иное поведение будет наказано, или же он может воздержаться от альтернативных практик поведения просто потому, что считает их нерезонными, даже если они выглядят желательными с точки зрения достижения цели: завоевание власти в результате выборов остается желаемой целью, даже если у вас меньше голосов, но в данной ситуации это неразумно.

Если рассматривать идеологию как практическое знание, которое легитимирует определенные формы властных отношений и делегитимирует остальные, то можно сказать, что все акторы обладают идеологией. Поскольку идеология поддерживается разумом, то Фуко отчасти прав в том, что невозможно критиковать практическое знание простой апелляцией к рациональному; ведь все формы практического знания предполагают какую-то рациональность. Скажем, если акторы социализированы через телеологический взгляд на мир и уверены, что все обладает смыслом, то логичным кажется и вывод о том, что у личности есть предназначение, смысл, душа, эссенция. Следовательно, эссенциалистские дифференциации власти разумны и содержат неявное императивное обязательство. Напротив, если для акторов физический мир состоит из атомов, которые сталкиваются друг с другом внутри обезличенной и управляемой безразличными законами физики вселенной, логично, что мир политики должен также управляться безличными законами. Для эссенциалиста-актора изначальная позиция Ролза будет алогичной; поэтому современные принципы легальной рациональности не могут быть успешно внедрены в традиционные общества. Но для актора из современности взаимодействие по Ролзу выглядит разумно.

На самом деле сделать исключение самому себе – нерациональная стратегия в любом сообществе, вне зависимости от ваших собственных представлений, и даже если вы принадлежите к группе с высоким социальным статусом [Rawls, 1993, p. 54]. Если популяция разделяет одно и то же практическое знание, то это способствует усвоению самоограничений по ролзовским линиям, особенно в отношении справедливости, – общество приобретает *гражданскую культуру*, а это благоприятная почва для либеральной демократии. В данном случае трехмерная власть является нормативно-желательной.

С другой стороны, существует вероятность того, что локальное практическое знание породит гражданскую культуру, которая не будет способствовать демократии: если акторы социализируются как эссенциалисты, если у них сильная традиция *gemeinschaft*, верности роду и клану, то тогда сами идеи политического равенства и смены элит кажутся бессмысленными. Еще Платон замечал, что демократическое равенство на корабле, скорее всего, обернется катастрофой, если капитан, кок и пассажиры будут иметь равный голос относительно необходимых действий во время шторма. Поэтому западную демократию почти невозможно просто импортировать в традиционные сообщества, где практическое знание сильно отличается от западного. Даль писал [Dahl, 1989], что едва ли существуют такие примеры, когда демократия, установленная более 20 лет назад, потом исчезла. 20 лет – это примерный срок, необходимый для перестройки практического сознания, соответствующего демократическим практикам. Это требуется для укоренения трехмерной власти.

Трехмерная власть создает практическое знание, которое наделяет смыслом практики структурирования. Эти практики внедрены в системы смыслов, делающие одни действия резонными, другие – нерезонными; тем самым они легитимируют инклюзию и эксклюзию. Акторы не способны выйти за пределы своего практического знания, так как оно определяет смысл их бытия в мире; но они тем не менее не беспомощные его рабы. Свое практическое сознание они могут сдвинуть в дискурсивную область и отрефлексировать то, что ранее считали частью естественного порядка, переосмыслить свои «безусловные» знания о порядке вещей и рассмотреть альтернативы.

Это соответствует генеалогии Фуко как критики настоящего [Foucault, 2007, p. 36]. Показывая, как наше практическое знание создает образ естественного порядка, конструируя его через мелкие и незначительные интеракции, генеалог подвергает его сомнению. Показывая, как западный образ мышления появился в процессе наследования практических знаний, наслаивающихся друг на друга, он заставляет нас поставить под сомнение наше практическое знание. Таким образом, наше естественное отношение может быть подвергнуто сомнению, чтобы выяснить, насколько оно разумно.

Теоретическая критика трехмерной концепции власти в контексте возможностей перестройки сознания (*consciousness raising*)

отвлекает нас от одного из фундаментальных недостатков луксовской концепции трехмерной власти (Lukes, 1974), который заключался в использовании концепции ложного сознания. Критика ложного сознания предполагает его противоположность – истинное сознание. Но каковы его критерии?

Радикальные феминистки, левые социальные критики или генеалоги-деконструктивисты – кто из них обладает истинным сознанием? Сам этот термин поражает своим покровительственным элитизмом. Предлагается описание мира, которое резонирует с практическим сознанием подавляемых социальных акторов. Подавляемые используют свои дискурсивные подходы к объяснению социального порядка, чтобы поставить под сомнение естественность их практического знания. Таким образом, то, что разумно в практическом сознании, представляется неразумным в дискурсивном сознании. Разумность здесь – это не какая-то трансцендентная категория Истины или Разума с заглавных букв.

Представим общество, находящееся в процессе перехода от традиционного к современному – в каких-то аспектах акторы еще остаются эссенциалистами, но в других – уже нет. Так, они принимают республиканский принцип гражданства, но в силу семейного и религиозного воспитания остаются эссенциалистами в отношении к гендеру. Эта ситуация типична для многих постколониальных обществ, где республиканизм прижился за время борьбы за независимость, но семья осталась традиционной и институциональная религия сохранила сильное влияние. Особенно если религия отождествила себя с борьбой за независимость, как в Ирландии, где католическая церковь поддерживала национальное движение с начала XIX в.; другой пример – «арабская весна», где в союз вступили демократия и ислам.

В этом примере перестройка сознания или критика трехмерной власти влечет за собой перевод эссенциальной логики гендерных ролей в дискурсивное сознание и затем включение его в дискурсивное знание республиканской концепции гражданства, которое уже существует в результате политической борьбы. На дискурсивном уровне формируется связь между гендером и гражданством, что делает эссенциалистские концепции гендера необоснованными. Необоснованность относится не к какой-то трансцендентальной истине, а скорее к уже существующему горизонту интерпретации данного актора – республиканизму. Рациональное осмысление – это орудие социальной

критики, но его использование не есть апелляция к «ложному» или «истинному» сознанию. Фуко прав, что нет никакого Рацио с заглавной «Р» или истинного сознания, к которому можно было бы обратиться; но Лукс, в свою очередь, прав в том, что рациональность – ключ к критике и переосмыслению практики.

Таким образом, можно сделать два вывода относительно трехмерной власти. Во-первых, трехмерная власть формирует в практическом знании специфическую систему инклюзии и эксклюзии; одни структурирующие практики становятся рациональными, а другие – нет. Это может усиливать как доминирование, так и относительно более эгалитарные системы. Как эмпирический феномен, этот процесс может быть нормативно и желательным, и нежелательным. Во-вторых, акторы – не бессловесные рабы своего практического сознания. Конвертируя свое практическое знание в дискурсивное, они могут анализировать предлагаемые практики и изменять их таким образом, чтобы они соответствовали дискурсивным представлениям.

Если смотреть со стороны, с точки зрения нормативной политической теории, критикующей общество, социальная система воспроизводится локальными представлениями о разумности, что не позволяет апеллировать к какой-либо трансцендентной метапричине (*meta-reason*). Безусловно, не все практическое знание, усиливающее власть, нормативно одинаково. Различение между нормативно-желательным и нежелательным практическим сознанием является проблемой власти. Если *B* считает структуры, которые производят власть с позитивной суммой, разумными, поскольку они создают диспозиционные возможности *B*, то можно сказать, что это конкретное локальное практическое сознание имеет нормативную ценность. Однако если практическое знание позволяет *A* эксплуатировать *B* в качестве средства достижения цели во властном отношении с нулевой суммой, то эта идеология заслуживает критики. Например, практическое знание формирует безусловное подчинение авторитету, базируется на принимаемых на веру трансцендентальных и / или эссенциалистских утверждениях, которые обуславливают подчинение *B* власти с нулевой суммой. Это – доминирование, поскольку *B* используется как средство достижения цели.

Четвертое измерение власти

Это власть, кроющаяся в процессах субъективации, – превращении социальных акторов в социальных субъектов [Foucault, 1982, p. 208]. Вот характеристика Фуко: «Это форма власти, которая существует в непосредственной повседневной жизни, формирует индивида, прикрепляет его к своей идентичности, налагает на него определенные законы истины, которые он должен признать и которые другие должны признать в нем. У слова “субъект” есть два значения: субъект как подданный, и субъект как некто, привязанный к своей идентичности – сознанием или самосознанием. Оба значения говорят нам о некоей форме власти – она подчиняет нас и превращает нас в субъектов» [Foucault, 1982, p. 212].

Далее Фуко описывает это как «сопровождение поведения» (conduct of conduct) [Foucault, 1982, p. 221], для которого приоритет – процесс «управляемости» (governmentality) [Dean, 2010]. Эта форма власти проявляется в современности в результате эпистемического «открытия человека» [Foucault, 1970]. Отныне человек как субъект одновременно становится и объектом знания. Человека можно изучать – значит, нормы тоже могут устанавливаться в зависимости от того, нормальными или аномальными они признаются. Это знаменитая концепция Паноптикума – где заключенные в своих камерах всегда на виду у всевидящего ока [Foucault, 1979, p. 100]; они знают, что за ними наблюдают, и они начинают наблюдать себя глазами наблюдателя. Тем самым они подчиняются нормализующим оценкам наблюдателя. Когда эти оценки интернализируются, они становятся объектами знания и тем самым объектами нормализации. Вместе с этим наблюдением приходят дисциплина и принудительная рутинизация: строгое следование расписанию, точное позиционирование себя в пространстве, – и появляются «новые аномальности», или «нарушения дисциплины»: невнимательность, неприлежность, отличность, пренебрежения правилами, нечистоплотность, девиантное поведение и так далее [Foucault, 1979, p. 178].

С точки зрения кантианской нормативной перспективы эта форма власти, конечно, выглядит нормативно-нежелательной (normatively reprehensible). Субъекта используют, насильно загоняют в рамки; нормализованный субъект – очевидно, средство для

целей Системы. Однако это первое впечатление вполне может оказаться обманчивым.

Процесс человеческой социализации – это открытие Раннего Модерна. Когда капитан Кук сделал свое описание общества туземцев Таити [Cook, 2012], его пасторальное, хоть и патерналистское к ним отношение стало вкладом в смещение парадигмы: он породил среди европейцев идею о том, что иные сообщества могут быть проинтерпретированы как альтернативные цивилизации, имеющие свои собственные модели социализации. Эта идея позже была представлена в позитивной характеристике «естественного состояния» у Руссо [Rousseau, 1993] и далее популяризована в образе «благородного дикаря». В XIX в. Чарльз Дарвин увидел жителей на Тьерра-дель-Фуэго [Darwin, 1989, p. 167–171] и решил, что почти обнаружил идеальных доцивилизованных людей. Общая нить этих совершенно несопоставимых идей заключается в том, что человеческая «цивилизованность» – это продукт социализации. Из-за этого осознания и появились наши науки об обществе.

Паноптикум – это машина социализации. Его изобретатель Бентам предлагал мысленный эксперимент. Скажем, у нас есть два Паноптикума-школы; в одном детей учат, что два плюс два – это пять, а луна сделана из зеленого сыра; в другом – адекватным знаниям. Затем их выпускники встречаются, и мы понаблюдаем за их дискуссиями [Foucault, 1979, p. 204]. Фактически Паноптикум – это архитектурный инструмент для создания социальных субъектов.

Геллнер в своем исследовании национализма [Gellner, 1983] пронизательно отметил, что ключ к появлению современного государства – не простая монополия на насилие и налогообложение, а монополия на социализацию и контроль над образованием. До появления всеобщего образования социализация была делом частным – семьи, церкви или ремесленной гильдии. Но в современности детей социализирует общая учебная программа.

Усвоение дисциплины делает поведение акторов предсказуемым, а предсказуемость – значит, рутинизация, – открывает дорогу к структуризации [Giddens, 1984, p. 60–68]. Дисциплина делает структуризацию во многом рефлексивным актом практического сознания: если практику структуризации усваивают через постоянные повторения и заучивание ролей, реакции на нее будут носить автоматический характер, акторы будут просто предрасположены к тому, чтобы реагировать определенным образом на конкретные

стимулы. Для быстрой и нерелективной реакции их учат отвечать на основе практического знания, которое включает в себе трехмерную власть как господство. Жесткая дисциплинирующая социализация позволяет создавать очень предсказуемых социальных субъектов, которые отвечают, как автоматы. Они представляют собой идеальные объекты для доминирования, реагирующие предсказуемо благодаря прочно закрепленному практическому знанию стимулов и реакции. Акторов заключают в клетки собственного сознания, где они остаются, даже если это противоречит их собственным интересам. Однако не все образование таково, как и не всякая дисциплина служит этой цели.

Примерно в то же время, когда Бентам расписывал добродетели своего Паноптикума, Кант задавался вопросом «что есть просвещение?». Ответ заключался в том, что просвещение – это освобождение из-под навязанной нам самим себе опеки – опеки, которая родилась из нашей неспособности использовать собственное мышление без оглядки на других [Foucault, 2007]. Критика авторитета здесь – смелость постоянных вопросов и сомнений, продолжительный разрыв между царством «принятого-за-должное» практического знания и дискурсивным сознанием; это критика трехмерной власти. Кант вовсе не отрицал авторитет сам по себе; он отрицал авторитет, который основывается на принципах, которые нельзя оправдать дискурсивно.

Дисциплина имеет два смысла. Дисциплина, на которой фокусируется Фуко, предполагает нерелективное усвоение рутины. Но есть и другой аспект дисциплины, который также является частью современного общества (modernity). Как заметил Элиас, современность предполагает массовое усвоение самоограничений, которое он относит к классовому размежеванию [Elias, 1994], – скажем, буржуазия дисциплинирует себя, создавая культурный капитал и утверждая свой высокий статус. Усиление усвоения самоограничений – это также ключ к «Протестантской этике и духу капитализма» Вебера [Weber, 1976]: появление пуританства создало условия для появления новых современных субъектов – капиталиста и бюрократа – через генерализацию среди мирян принципа откладывать собственное удовлетворение, характерного для послушников монашеских орденов. И Элиас, и Вебер, при всех различиях между ними, согласны в том, что отложенное удовлетво-

рение через усвоение самоограничений – это отличительная черта современного типа дисциплины.

Социальные акторы в современном мире всегда находятся в процессе изменений, они меняют свои социальные роли. В один момент времени «она» является матерью – со всеми материнскими обязанностями и сильными эмоциональными привязанностями; но через мгновение «она» – уже судья верховного суда. И для того чтобы выполнять свои обязанности, она закрывает свои личные материнские и аффективные привязанности на замок; иначе она окажется некомпетентной. И здесь она тоже в своем роде – заключенная в Паноптикуме, она также видит себя перед оценивающим взглядом общества, но смысл этой оценки и результата – принципиально иной. Акторы, от которых мы требуем исполнения общественно важных обязанностей, должны смотреть на себя через линзы, похожие на естественное состояние Ролза. Таким образом, они должны быть дисциплинированы во втором смысле этого слова, усваивая массивное самоограничение.

Некоторую часть этого самоограничения можно воспитать через длительное и трудное обучение. Чем выше у человека квалификация, тем на большую отсрочку удовлетворения он способен. Иными словами, образовательная меритократия – это не только про высокие знания, соотносящиеся с высокой позицией во власти. В этом плане более значима корреляция между высшими позициями во власти и способностью к самоограничению. Это не часть модели Фуко, но это главное связующее звено между дисциплиной и современными субъективными позициями.

Ранее мы отмечали, что ключ к нормативно-желательной *власти над* – это принятие структурных ограничений, даже если это напрямую противоречит нашим целям. В современном социуме акторы продолжают подчиняться авторитету (authority); но это не предосудительно само по себе, если подчиняющийся *B* знает, что авторитет *A* не будет использовать свою власть для собственных эгоистических целей. На дискурсивном уровне у *B* есть резон подчиняться *A*, если исполняются два условия: (а) носитель авторитета обладает надлежащими знаниями; (б) существуют убедительные причины ожидать, что *A* будет использовать свою власть только для дозволенных структурами целей.

Последнее возможно лишь в том случае, если *B* уверен, что *A* способен к высокой степени самоограничения. Если *A* использует

власть для достижения своих целей, то *B* будет использован как средство. Однако если *B* подчиняется *A*, который интернализировал самоограничения, необходимые для использования власти в рамках структурных ограничений, то *B* не будет использован как средство достижения цели в момент подчинения. Для этого *A* должен быть способен подчиняться структурным ограничениям, каким бы ни было его искушение не делать этого. Следовательно, самоограничение *A* создает возможность отношения, в котором эпизодическая власть *A* расширяет диспозиционные возможности *B*. Ключ к созданию современной структуры власти с ненулевой суммой – это ответственные акторы, способные к самоограничению.

Таким образом, дисциплина может как создать послушный объект, идеальный для доминирования, так и обеспечить возможность нормативно-желательной *власти над* – власть действовать вместе (concerted power). Это может прозвучать контринтуитивно, но усвоенное самосубъективирование есть важная предпосылка для эмпирической реализации нормативно-приемлемых принципов процедурной справедливости и справедливой власти действовать вместе.

Заключение

Традиционно в литературе *власть над*, *власть для* или *вместе*, власть как *доминирование* и власть как *эмансипация* или власть действовать вместе (concerted power) противопоставлялись. Но во втором, третьем и четвертом измерениях власти актор *B* сам желает подчиниться актору *A*. Следует задать вопрос – почему?

Я показал, что *власть над* может обладать позитивной суммой (первое измерение власти), и что процесс исключения через структурные ограничения (второе измерение власти) создает возможность как для справедливости, так и для доминирования. Тем самым власть как господство и власть как эмансипация предполагают один и тот же процесс. Это открывает путь для третьего и четвертого измерений власти, где подчинение *B* обеспечивается через когнитивные и онтологические процессы. Структурное ограничение имеет место через восприятие габитуса разумности (perceptions of reasonableness) (третье измерение власти), или маппирования габитуса и структурного ограничения. Если это маппирование происходит в области практического знания, то потенциал

доминирования высок. Однако если маппирование имеет дискурсивный характер, то подчиняющийся актер способен оценить, усиливает ли данный эпизод подчинения его собственную диспозиционную власть. В четвертом измерении власти акторы субъективируются через дисциплину, которая имеет два аспекта. Они могут либо превратиться в автоматы, натасканные на неосознанное подчинение, либо могут стать социальными субъектами, способными исполнять сложные социальные роли со способностью к самоограничению. В последнем случае отношение становится полезным и для актора *B*, а значит, нормативно-позитивным.

Хотя второе, третье и четвертое измерения власти оставляют актора *B* открытым для манипуляций и отношений нулевой суммы, они также являются ключом к власти как совместному действию. Я предлагаю гипотезу: это очевидное противоречие возможно только потому, что один и тот же эмпирический процесс имеет оба потенциала. Тот факт, что нормативно-желательная власть и власть как доминирование имеют в своем основании один и тот же эмпирический процесс, не случаен. Второе предполагает первое. За исключением случаев принуждения эффективность власти как доминирования паразитирует на *власти над* как совместном действии. Для *B* разумно подчиняться структурным ограничениям, на которых основывается *власть над*, если эта власть имеет потенциал создавать власть как совместное действие у подчиняющегося субъекта. Иными словами, можно обманывать людей некоторое, но не все время.

	Доминирование (нежелательна)	Сотрудничество (желательна)
Власть-1	<i>A</i> принуждает <i>B</i> , ущемляя интересы <i>B</i> (грабление)	<i>A</i> принуждает <i>B</i> эпизодически, но диспозиционно <i>B</i> сохраняет возможность принудить <i>A</i> (выборы)
Власть-2	<i>A</i> исключает невыгодную для себя точку зрения <i>B</i> из повестки (цензура)	<i>A</i> и <i>B</i> исключают свои эгоистические интересы и заботятся об общем благе (общественный договор)
Власть-3	<i>B</i> традиционно повинуется <i>A</i> , некритически принимая причины трансцендентального / эссенциалистского характера	<i>B</i> повинуется <i>A</i> , осмыслив свое поведение на дискурсивном уровне и сочтя его непротиворечивым и выгодным
Власть-4	Паноптикум как тюрьма: социализация убедила <i>B</i> , что он обязан подчиняться <i>A</i>	Паноптикум как школа: социализация научила <i>A</i> , что в позиции авторитета должно прибегать к самоограничению и действовать в общих интересах

Список литературы

- Allen A.* The politics of ourselves: Domination, resistance and solidarity. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 248 p.
- Allen A.* The power of feminist theory. – Boulder, CO: Westview Press, 1999. – 168 p.
- Arendt H.* On violence. – San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970. – 120 p.
- Arendt H.* The human condition. – Chicago: Chicago univ. press, 1998. – 349 p.
- Austin J.L.* How to do things with words. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – 168 p.
- Bachrach P., Baratz M.* The two faces of power // *American Political Science Review.* – Washington, 1962. – N 56. – P. 947–952.
- Barnes B.* The nature of power. – Cambridge: Polity, 1988. – 224 p.
- Bates S.R.* Re-structuring power // *Polity.* – Cambridge, 2010. – N 42(3). – P. 352–376.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. – Basingstoke: Macmillan, 1991. – 276 p.
- Bourdieu P.* The logic of practice. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 344 p.
- Clegg S.* Frameworks of Power. – L.: Sage, 1989. – 320 p.
- Cook J.* Captain Cook's journal during his first voyage round the world. – Scotts Valley, California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. – 350 p.
- Dahl R.* Democracy and its critics. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1989. – 397 p.
- Dahl R.* The concept of power // *Behavioural Science.* – Basel, 1957. – N 2(3). – P. 201–215.
- Darwin C.* Voyage of the Beagle. – Harmondsworth: Penguin, 1989. – 448 p.
- Dean M.* Governmentality: Power and rule in modern society. – L.: Sage, 2010. – 304 p.
- Digeser P.* The fourth face of power // *Journal of Politics.* – Chicago, 1992. – N 54. – P. 777–1007.
- Dworkin R.* Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2000. – 503 p.
- Elias N.* The civilizing process. – Oxford: Basil Blackwell, 1994. – 586 p.
- Erikson E.H.* Childhood and society. – N.Y.: Norton, 1967. – 445 p.
- Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. – Harmondsworth: Penguin, 1979. – 352 p.
- Foucault M.* Power / knowledge. – Brighton: Harvester Press, 1980. – 98 p.
- Foucault M.* The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences. – L.: Routledge, 1970. – 448 p.
- Foucault M.* The politics of truth / Ed. by S. Lotringer. – Cambridge, MA: Semiotext (e): MIT Press, 2007. – 200 p.
- Foucault M.* The subject and power // Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics / H. Dreyfus, P. Rabinow (eds.). – L.: Harvester Wheatsheaf, 1982. – P. 208–226.
- Fraser N.* Michel Foucault: A young conservative? // *Ethics.* – Chicago, 1985. – N 96 (1). – P. 165–184.
- From Max Weber: essays in sociology / H.H. Gerth, C.W. Mills (eds.). – L.: Routledge, 1948. – 490 p.
- Fukuyama F.* The end of history and the last man. – N.Y.: Free Press, 1992. – 464 p.
- Gallarotti G.* Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions for its effective use // *Journal of Political Power.* – Galway, 2011. – N 4(1). – P. 25–48.

- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. – Cambridge: Polity, 1983. – 304 p.
- Gellner E.* Nations and nationalism. – Oxford: Blackwell, 1983. – 208 p.
- Gellner E.* Plough, sword and book. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989. – 288 p.
- Giddens A.* Power in the recent writings of Talcott Parsons // *Sociology*. – Sydney, 1968. – N 2(3). – P. 257–272.
- Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity, 1984. – 402 p.
- Gohler G.* «Power to» and «Power over» // *The Sage handbook of power* / S. Clegg, M. Haugaard (eds.). – L.: Sage, 2009. – P. 27–39.
- Habermas J.* The theory of communicative action. – Cambridge: Polity, 1984. – Vol. 1: Reason and the rationalization of society, polity. – 465 p.
- Habermas J.* The theory of communicative action. – Cambridge: Polity, 1987. – Vol. 2: The critique of functionalist reason. – 457 p.
- Haugaard M.* Power: A «family resemblance» concept // *European Journal of Cultural Studies*. – L., 2010. – N 13(4). – P. 1–20.
- Haugaard M.* Reflections on seven ways of creating power // *European Journal of Social Theory*. – L., 2003. – N 6(1). – P. 87–114.
- Haugaard M.* The Constitution of Power: A theoretical analysis of power, knowledge and structure. – Manchester: Manchester univ. press, 1997. – 237 p.
- Hayward C.* De-Facing Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 228 p.
- Hayward C., Lukes S.* Who to shoot? An exchange // *Journal of Power*. – 2008. – N 1(1). – P. 2–20.
- Heidegger M.* Being and time. – Oxford: Blackwell, 1962. – 590 p.
- Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. – Chicago, IL: Chicago univ. press, 1970. – 210 p.
- Lijphart A.* Democracy in plural societies: A comparative exploration. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1977. – 248 p.
- Lukes S.* Power: a radical view. – L.: Macmillan, 1974. – 68 p.
- Lukes S.* Power: a radical view. – 2nd ed. – Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2005. – 204 p.
- Machiavelli N.* The Prince. – L.: Penguin, 1961. – 106 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. – 578 p.
- Mansbridge S.* Using power/fighting power // *Constellations*. – N.Y., 1994. – N 1 (1). – P. 53–72.
- Mills C.W.* The power elite. – L.: Open univ. press, 1956. – 497 p.
- Morriss P.* Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Morriss P.* Steven Lukes on the concept of power // *Political Studies Review*. – L., 2006. – N 6(4). – P. 124–135.
- Mouffe C.* The democratic paradox. – L.: Verso, 2000. – 144 p.
- Nye J.* Power and foreign policy // *Journal of Political Power*. – Galway, 2011 a. – N 4 (1). – P. 9–24.
- Nye J.* Soft power // *Foreign Policy*. – Washington, 1990. – N 80. – P. 53–71.

- Nye J.* The future of power. – N.Y.: Public Affairs, 2011 b. – 320 p.
- Parsons T.* On the concept of political power // Proceedings of the American Philosophical Society. – Philadelphia, 1963. – N 107. – P. 232–262.
- Pitkin H.* Wittgenstein and Justice: On the Significance of Ludwig Wittgenstein for Social and Political Thought. – Boulder, CO: Univ. of California press, 2011. – 392 p.
- Politics, philosophy, culture / M. Foucault, L.D. Kritzman (eds.). – L.: Routledge, 1988. – 356 p.
- Popper K.* The logic of scientific discovery. – L.: Routledge, 2002. – 544 p.
- Power: a reader / Ed. by M. Haugaard. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 352 p.
- Rawls J.* A theory of justice. – Oxford: Oxford univ. press, 1971. – 538 p.
- Rawls J.* Political liberalism. – N.Y.: Columbia univ. press, 1993. – 525 p.
- Rousseau J.J.* The social contract. – L.: Everyman: Dent, 1993. – 288 p.
- Sandel M.* Liberalism and the limits of justice. – 2nd ed. – Cambridge: Harvard univ. press, 1993. – 233 p.
- Schmitt C.* Political theology. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1985. – 122 p.
- Schmitt C.* The Concept of the political. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996. – 126 p.
- Schutz A.* The phenomenology of the social world. – L.: Heinemann, 1972. – 255 p.
- Searle J.* Social ontology and political power // Freedom and neurobiology: Reflections on free will, language and political power. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – P. 79–110.
- Weber M.* The protestant ethic and the spirit of capitalism. – 2nd ed. – L.: George Allen & Unwin, 1976. – 292 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. – Oxford: Oxford univ. press, 1967. – 250 p.
- Wrong D.H.* Power: its forms bases and uses. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1995. – 356 p.

M. Haugaard*
**Rethinking the four dimensions of power:
 Domination and Empowerment¹**

Abstract. In the literature, there have been two essentially contrasting views of power: one of power as *domination*, largely characterized as *power over*, and the other of power as *empowerment*, frequently theorized as *power to*. To date, the four (Lukes and Foucault) dimensions of power have been considered forms of domination. In this article it is argued that the processes of four-dimensional power also constitute the process of normatively desirable power, as emancipation. Key is the realization that

* **Haugaard Mark**, School of Political Science and Sociology, National University of Ireland (Galway, Ireland), e-mail: Mark.Haugaard@NUIGalway.ie

¹ Translation of the article: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: domination and empowerment. *Journal of Political Power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 35–54. <http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2012.660810>. Published with permission of the author. Translated by C.V. Fokin (HSE).

structured *power over* has the potential to be positive-sum, rather than zero-sum; furthermore, that the exclusions of two-dimensional power also constitute the conditions of possibility for justice. The fact that normatively desirable power and domination are constituted through the same processes is not chance: the effectiveness of power as domination is parasitic upon power as emancipation.

Keywords: political power; domination; empowerment; democracy; justice.

For citation: Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and Empowerment. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 30–62. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>

References

- Allen A. *The politics of ourselves: Domination, resistance and solidarity*. N.Y.: Columbia univ. press, 2007, 248 p.
- Allen A. *The power of feminist theory*. Boulder, CO: Westview Press, 1999, 168 p.
- Arendt H. *On violence*. San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970, 120 p.
- Arendt H. *The human condition*. Chicago, IL: Chicago univ. press, 1998, 349 p.
- Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press, 1975, 168 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power. *American Political Science Review*. 1962, N 56, P. 947–952.
- Barnes B. *The nature of power*. Cambridge: Polity, 1988, 224 p.
- Bates S.R. Re-structuring power. *Polity*. 2010, N 42 (3), P. 352–376.
- Beetham D. *The Legitimation of Power*. Basingstoke: Macmillan, 1991, 276 p.
- Bourdieu P. *The logic of practice*. Cambridge: Polity Press, 1990, 344 p.
- Clegg S. *Frameworks of Power*. L.: Sage, 1989, 320 p.
- Cook J. *Captain Cook's journal during his first voyage round the world*. Scotts Valley, California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012, 350 p.
- Dahl R. *Democracy and its critics*. New Haven, CT: Yale univ. press, 1989, 397 p.
- Dahl R. The concept of power. *Behavioural Science*. 1957, N 2 (3), P. 201–215.
- Darwin C. *Voyage of the Beagle*. Harmondsworth: Penguin, 1989, 448 p.
- Dean M. *Governmentality: Power and rule in modern society*. L.: Sage, 2010, 304 p.
- Digester P. The fourth face of power. *Journal of Politics*. 1992, N 54, P. 777–1007.
- Dworkin R. *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2000, 503 p.
- Elias N. *The civilizing process*. Oxford: Basil Blackwell, 1994, 586 p.
- Erikson E.H. *Childhood and society*. N.Y.: Norton, 1967, 445 p.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Harmondsworth: Penguin, 1979, 352 p.
- Foucault M. *Power/knowledge*. Brighton: Harvester Press, 1980, 98 p.
- Foucault M. *The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences*. L.: Routledge, 1970, 448 p.
- Foucault M. The subject and power. In: *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics*. Ed. by H. Dreyfus, P. Rabinow. L.: Harvester Wheatsheaf, 1982, P. 208–226.

- Fraser N. Michel Foucault: A young conservative? *Ethics*. 1985, N 96 (1), P. 165–184.
- From Max Weber: *essays in sociology*. Ed. by H.H. Gerth, C.W. Mills. L.: Routledge, 1948, 490 p.
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. N.Y.: Free Press, 1992, 464 p.
- Gallarotti G. Soft Power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use. *Journal of Political Power*, 2011, N 4 (1), P. 25–48.
- Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Cambridge: Polity, 1983, 304 p.
- Gellner E. *Nations and nationalism*. Oxford: Blackwell, 1983, 208 p.
- Gellner E. *Plough, sword and book*. Chicago: University of Chicago Press, 1989, 288 p.
- Giddens A. Power in the recent writings of Talcott Parsons. *Sociology*, 1968, N 2 (3), P. 257–272.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity, 1984, 402 p.
- Gohler G. 'Power to' and 'Power over'. In: *The Sage handbook of power*. Ed. by S. Clegg, M. Haugaard. L.: Sage, 2009, P. 27–39.
- Habermas J. *The theory of communicative action: vol. I, reason and the rationalization of society, polity*. Cambridge: Polity, 1984, 465 p.
- Habermas J. *The theory of communicative action: vol. II, the critique of functionalist reason*. Cambridge: Polity, 1987, 457 p.
- Haugaard M. Power: a 'family resemblance' concept. *European Journal of Cultural Studies*. 2010, N 13 (4), P. 1–20.
- Haugaard M. Reflections on seven ways of creating power. *European Journal of Social Theory*. 2003, N 6 (1), P. 87–114.
- Haugaard M. *The Constitution of Power: A theoretical analysis of power, knowledge and structure*. Manchester: Manchester univ. press, 1997, 237 p.
- Hayward C. *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000, 228 p.
- Hayward C., Lukes S. Who to shoot? An exchange. *Journal of Power*. 2008, N 1 (1), P. 2–20.
- Heidegger M. *Being and time*. Oxford: Blackwell, 1962, 590 p.
- Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: Chicago univ. press, 1970, 210 p.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies: a comparative exploration*. New Haven, CT: Yale univ. press, 1977, 248 p.
- Lukes S. *Power: a radical view*. L.: Macmillan, 1974, 68 p.
- Lukes S. *Power: a radical view: 2 nd ed*. Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2005, 204 p.
- Machiavelli N. *The Prince*. L.: Penguin, 1961, 106 p.
- Mann M. *The Sources of Social Power: Volume 1, A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1986, 578 p.
- Mansbridge S. Using power/fighting power. *Constellations*. 1994, N 1 (1), P. 53–72.
- Mills C.W. *The power elite*. L.: Open univ. press, 1956, 497 p.
- Morriss P. *Power: A Philosophical Analysis: 2 nd ed*. Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Morriss P. Steven Lukes on the concept of power. *Political Studies Review*. 2006, N 6 (4), P. 124–135.
- Mouffe C. *The democratic paradox*. L.: Verso, 2000, 144 p.
- Nye J. Power and foreign policy. *Journal of Political Power*. 2011 a, N 4 (1), P. 9–24.
- Nye J. Soft power. *Foreign Policy*. 1990, N 80, P. 53–71.

- Nye J. *The future of power*. N.Y.: Public Affairs, 2011 b, 320 p.
- Parsons T. On the concept of political power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963, N 107, P. 232–262.
- Pitkin H. *Wittgenstein and Justice: On the Significance of Ludwig Wittgenstein for Social and Political Thought*. Boulder, CO: Univ. of California press, 2011, 392 p.
- Politics, philosophy, culture*. Ed. by M. Foucault, L.D. Kritzman. L.: Routledge, 1988, 356 p.
- Popper K. *The logic of scientific discovery*. L.: Routledge, 2002, 544 p.
- Power: a reader*. Ed. by M. Haugaard. Manchester: Manchester univ. press, 2002, 352 p.
- Rawls J. *A theory of justice*. Oxford: Oxford univ. press, 1971, 538 p.
- Rawls J. *Political liberalism*. N.Y.: Columbia univ. press, 1993, 525 p.
- Rousseau J.J. *The social contract*. L.: Everyman, Dent, 1993, 288 p.
- Sandel M. *Liberalism and the limits of justice: 2 nd ed*. Cambridge: Harvard univ. press, 1993, 233 p.
- Schmitt C. *Political theology*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1985, 122 p.
- Schmitt C. *The Concept of the political*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996, 126 p.
- Schutz A. *The phenomenology of the social world*. L.: Heinemann, 1972, 255 p.
- Searle J. Social ontology and political power. In: *Freedom and neurobiology: reflections on free will, language and political power*. N.Y.: Columbia univ. press, 2007, P. 79–110.
- The politics of truth*. Ed. by M. Foucault, S. Lotringer. Cambridge, MA: Semiotext (e), MIT Press, 2007, 200 p.
- Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism: 2 nd ed*. L.: George Allen & Unwin, 1976, 292 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Oxford univ. press, 1967, 250 p.
- Wrong D.H. *Power: its forms bases and uses*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1995, 356 p.